

— Неужели мне так не повезло? — Цзи Фэн с тревогой разглядывал свою лодыжку, испытывая страх. Его нога такая красивая, что, если он повредит кость, как он будет жить, став хромым?

Он сам себя напугал до полусмерти, лицо его побледнело:

— Я не хочу быть хромым.

— Это уже не от тебя зависит. Если кость действительно повреждена, то остаётся только надеяться на удачу. — Шэнь Цян намеренно напугал его, надеясь, что тот станет осторожнее.

Цзи Фэн сразу же сник!

В это время общежитие уже давно закрылось. Когда Шэнь Цян, неся Цзи Фэна на спине, постучал в дверь дежурного, тот недовольно шаркая тапками подошёл открыть, но, увидев их, испугался:

— Что случилось?

Шэнь Цян объяснил ситуацию, и дежурный поспешил разрешить им выйти, пообещав открыть дверь, когда они вернутся. Шэнь Цян поблагодарил и вышел на улицу, где дорожка, выложенная галькой, вела от общежития.

Цзи Фэн начал засыпать, уютно устроившись на спине Шэнь Цяна, особенно потому, что его спина была шире, чем у большинства подростков, что давало ему чувство безопасности. Это чувство было результатом многих лет, проведённых рядом с Шэнь Цянем, и никто другой не мог дать ему такого.

Каждый раз, когда он был рядом с Шэнь Цянем, его сердце успокаивалось.

Когда они добрались до ворот школы, оказалось, что выйти не так просто. Шэнь Цян был вынужден позвонить классному руководителю прямо при охраннике, и только тогда им разрешили выйти.

Пройдя около десяти метров, Цзи Фэн не удержался и пробормотал:

— Вот и попался, теперь учитель знает, что у тебя есть телефон.

— У многих есть телефоны, учителя и так знают. Главное, не играть на уроках, и они не будут беспокоить. — Шэнь Цян не придавал этому значения.

Цзи Фэн подумал, что это правда — те, кого ловили, просто сами нарывались.

Шэнь Цян шёл, то и дело спотыкаясь, и, после минутной паузы, вдруг спросил:

— Так расскажи, как ты сегодня вечером умудрился получить травму?

Цзи Фэн не хотел говорить. Если он расскажет, как это случилось, придётся упомянуть Сюэ Юаня, а затем и Ван Мина.

Как Шэнь Цян отреагирует на то, что мужчина может любить мужчину?

Ему было так тяжело, что он, уткнувшись в спину Шэнь Цяна, пробормотал:

— Может, не надо?

— Конечно, можно. Тогда я сейчас тебя опущу, развернусь и уйду. — Шэнь Цян ответил так, будто это было само собой разумеющимся, но в его словах явно звучала угроза.

Цзи Фэн злобно уставился на его затылок, раздражённо дёрнулся, и Шэнь Цян тут же остановился, прикрикнув:

— Не балуйся.

Цзи Фэн фыркнул.

Шэнь Цян продолжил:

— Или сначала расскажи, что с тобой происходило эти два дня. Но знай, если соврёшь или не найдёшь разумного объяснения, я всё равно оставлю тебя здесь!

Как же он противный!

Цзи Фэн почувствовал, что Шэнь Цян стал хуже. Как ему теперь отвечать?

Он решил притвориться дурачком:

— Я эти два дня был в порядке, ничего особенного.

— Цзи Фэн, знаешь, что? В детстве ты часто заигрывался и приходил домой поздно. Каждый раз, когда тётя Лань спрашивала, где ты был, ты виновато говорил, что делал уроки у Ван Ци. Твой тон тогда был точно таким же, как сейчас. — Шэнь Цян усмехнулся, хотя сейчас Цзи Фэн, если хотел что-то скрыть от мамы, делал это без тени смущения.

Цзи Фэн почесал нос, поднял голову и вдруг обрадовался:

— Ой, мы пришли!

Шэнь Цян посмотрел и действительно увидел, что они уже на месте.

За пределами их школы находилась небольшая больница, куда обычно ходили студенты. Сейчас было уже около десяти вечера, и в больнице было всего несколько человек. Дежурный врач попросил Шэнь Цяна положить Цзи Фэна на кровать.

Врач осмотрел травму, несмотря на убийственный взгляд Цзи Фэна, и сказал:

— Ничего серьёзного. Выглядит страшно, но это просто сильный отёк. Кость не повреждена, даже рентген не нужен. Прокапайте противовоспалительное, но в ближайшее время избегайте физических нагрузок.

Цзи Фэн наконец почувствовал облегчение.

Но, увидев два огромных флакона с лекарством, он снова чуть не впал в отчаяние — ему нельзя было ставить капельницу слишком быстро, иначе рука опухнет. Каждый раз ему приходилось делать это на самой медленной скорости.

Он предчувствовал, что на это уйдёт не меньше двух часов.

Шэнь Цян налил себе стакан горячей воды, выпил половину, а Цзи Фэн, облизнув губы, показал, что тоже хочет пить. Но Шэнь Цян сказал:

— Сейчас тебе ставят капельницу, через двадцать минут тебе захочется в туалет, если выпьешь воды.

Это было правдой, и, в конце концов, он не так уж и хотел пить, так что решил потерпеть.

Наконец, Шэнь Цян поставил бумажный стаканчик и сел напротив Цзи Фэна, явно готовясь к разговору.

Цзи Фэн почувствовал, как сердце у него ёкнуло. Очевидно, нельзя было надеяться, что Шэнь Цян забудет о предыдущих вопросах, как рыба с памятью на семь секунд.

Его мозг работал на пределе, пытаясь придумать, как обойти этот разговор, но Шэнь Цян, похоже, знал, о чём он думал:

— Придумал уже? Или подождать ещё несколько минут?

Цзи Фэн: «...»

Что лучше: иметь человека, который знает тебя как свои пять пальцев, или нет?

Шэнь Цян пристально смотрел ему в глаза, и это создавало огромное давление на Цзи Фэна. Пока он лежал на спине Шэнь Цяна, всё было проще, ведь тот не видел его лица. Но сейчас он чувствовал себя как на ладони.

Шэнь Цян заметил его напряжение, и его суровое выражение смягчилось, но через мгновение стало ещё строже, а в голосе появилась опасная нотка:

— С каких это пор ты стал так осторожничать передо мной, что даже на простой вопрос отвечаешь с такой задержкой?

Цзи Фэн понял, что Шэнь Цян рассердился.

Шэнь Цян был человеком с хорошим воспитанием и характером. Он редко с кем-то ссорился, и незнакомые люди могли считать его немного холодным. Но те, кто знал его давно, понимали, что Шэнь Цян был терпеливым и снисходительным человеком — именно поэтому, когда он всё-таки сердился, это было действительно страшно!

Из редких воспоминаний Цзи Фэна, Шэнь Цян в гневе был настолько пугающим, что даже он сам не решался подойти к нему.

Это было в девятом классе, когда два мальчика в классе подрались, и в процессе опрокинули парту Шэнь Цяна. Шэнь Цян ничего не сказал, просто попросил их поднять вещи. Но один из них, находясь в ярости, не только не послушал, но и пнул его вещи далеко в сторону.

Среди этих вещей была чашка Шэнь Цяна, которую, как смутно помнил Цзи Фэн, ему давно купил старик Шэнь. Чашка упала на пол, и на ней появилась небольшая трещина, но после удара о стену она разлетелась на куски.

Именно в тот день одноклассники поняли, насколько страшным может быть Шэнь Цян, когда он злится — одной рукой он поднял мальчика за воротник, оторвав его от земли, и, с холодным выражением лица, протащил его через весь класс, а затем выбросил за дверь.

Цзи Фэн думал, что до сих пор этот парень, увидев Шэнь Цяна, дрожит от страха.

Вспомнив это, Цзи Фэн немного струхнул. Он не боялся, что Шэнь Цян ударит его, но волновался, что тот действительно рассердится на него. Что тогда?

Он знал Шэнь Цяна так давно, и между ними никогда не было серьёзных разногласий. Даже если он иногда поступал неправильно, Шэнь Цян обычно не обращал на это внимания.

Будет ли этот случай исключением?

Он боялся даже подумать об этом, и, как только в его голове возник образ холодного лица Шэнь Цяна, он почувствовал себя совершенно подавленным.

Через некоторое время он, опустив голову, попытался договориться:

— Не сердись, дай мне собраться с мыслями, я всё обдумаю и потом расскажу тебе, хорошо?

Шэнь Цян неохотно согласился.

А Цзи Фэн почувствовал, что сам себя загнал в угол — говорить правду было нельзя, он ведь не мог сказать Шэнь Цяню: «Я люблю тебя, поэтому избегаю тебя».

Шэнь Цян, услышав это, вероятно, стал бы обходить его за километр!

Врать тоже было нереально — Шэнь Цян знал его слишком хорошо, и его ложь была бы раскрыта ещё до того, как он закончил её придумывать.

Цзи Фэн, раздражённый, опустил голову и начал разглядывать свои пальцы. Его нога, обмазанная мазью, лежала на краю кровати, а на нём был слишком большой школьный пиджак, что делало его похожим на маленького несчастного.

Шэнь Цян смотрел на него некоторое время, говоря себе не поддаваться жалости.

Он знал, что Цзи Фэн не был только его другом. Независимо от того, с кем Цзи Фэн заводил новые дружеские отношения, он не должен был чувствовать дискомфорта или препятствовать этому. Кроме того, Цзи Фэн уже взрослый человек, и у него обязательно есть свои секреты, он не может отчитываться за каждое своё действие. Но разум и эмоции — это две разные вещи.

Он просто знал, что Цзи Фэн был для него особенным, и он хотел, чтобы Цзи Фэн чувствовал то же самое!

Шэнь Цян чувствовал себя раздражённым, боясь, что слишком давит на Цзи Фэна. Он не мог больше смотреть на него и потому лёг на соседнюю кровать, повернувшись к нему спиной.

<http://bllate.org/book/16146/1445912>